

Петрик Валентина Васильевна

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАЗАЧЕСТВА И КОБЗАРСТВА В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

В статье рассматриваются аспекты взаимодействия таких специфических явлений украинской культуры как казачество и кобзарство, выполнявших многоцелевые миссии - хранителей давних традиций, заветов и обычаев, просветительства и подъема патриотического и морального духа народа. Раскрывается влияние среды народных музыкантов-профессионалов на развитие культурно-творческих процессов своего времени.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/3/2016/2/35.html](http://www.gramota.net/materials/3/2016/2/35.html)

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2016. № 2 (64). С. 146-149. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/3.html](http://www.gramota.net/editions/3.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/3/2016/2/](http://www.gramota.net/materials/3/2016/2/)

**© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)  
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [hist@gramota.net](mailto:hist@gramota.net)

4. **Фриц К. фон.** Теория смешанной конституции в античности: критический анализ политических взглядов Полибия. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. 422 с.
5. **Brochard V.** La morale de Platon [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jstor.org/stable/41647758> (дата обращения: 13.01.2016).
6. **Takala T.** Plato on Leadership [Электронный ресурс] // Journal of Business Ethics. 1998. Vol. 17. № 7. P. 785-798. URL: <http://www.jstor.org/stable/25073123> (дата обращения: 13.01.2016).

#### POLITICAL KNOWLEDGE IN THE SYSTEM OF PLATO'S ETHICAL VIRTUES

**Perov Vadim Yur'evich**, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor  
**Derzhivitskii Evgenii Viktorovich**, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor  
Saint Petersburg State University  
[vadimperov@gmail.com](mailto:vadimperov@gmail.com); [derzhiv@mail.ru](mailto:derzhiv@mail.ru)

The article considers the issue on the specificity of political knowledge in Plato's theory and its connection with virtue, the condition of achieving which is joining the highest good. The authors substantiate the provision that connection between political knowledge and the requirements of normative ethics ascertained by Plato is not only an abstract, idealistic construction, but it presupposes the necessity of empirical experience, the potential of which Plato, in spite of the critical tradition of studying his ethical and political theory, put a high value on.

*Key words and phrases:* political knowledge; nature of virtues; just ruling; forms of political governance; highest duty; politician's virtues.

УДК 7.03:79.785

#### Искусствоведение

*В статье рассматриваются аспекты взаимодействия таких специфических явлений украинской культуры как казачество и кобзарство, выполнявших многоцелевые миссии – хранителей давних традиций, заветов и обычаев, просветительства и подъема патриотического и морального духа народа. Раскрывается влияние среды народных музыкантов-профессионалов на развитие культурно-творческих процессов своего времени.*

*Ключевые слова и фразы:* казак; кобзарь; кобза; бандура; торбан; дума; характерництво.

**Петрик Валентина Васильевна**, к. искусствоведения, доцент  
Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Л. Матусовского, Украина  
[freeangelhom@mail.ru](mailto:freeangelhom@mail.ru)

#### ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАЗАЧЕСТВА И КОБЗАРСТВА В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Изучая историю запорожских казаков, Д. Яворницкий в частности отметил: «Будучи высокими ценителями песен, дум и родной музыки, запорожцы любили послушать своих баянов, слепцов-кобзарей. Не редко и сами они складывали песни, и думы сами брались за кобзы, которые были для них самыми любимейшими музыкальными инструментами» [15, с. 238]. Примером трепетного отношения казака к кобзе является старинная дума «На смерть казака-бандуриста»: умирающий от татарской сабли, он обращается к своему самому дорогому спутнику – кобзе. Только в конце XIX века началось исследование украинского народного инструментария, когда кобза не только выбыла из обихода, но почти исчезла, а слово «кобза» считалось синонимом бандуры. Поэтому представления первых исследователей А. Фаминцына, Н. Лысенко, Г. Хоткевича о старинной кобзе, о её строении и происхождении имеют часто противоречивый характер. Первым попытку исследовать кобзу и бандуру осуществил А. Фаминцын [11, с. 87-165]. Собрав значительное количество опосредованного материала об этих инструментах, он сделал вывод о том, что инструмент с подобным названием был у половцев и татар в XI в., другие источники достаточно вероятно показывают производные первоосновы кобзы-бандуры. Неслучайно есть примечание Ф. Колессы о возможности влияния кобзы на бандуру [5, с. 59-60].

С конца XVII – XVIII столетия на Украине популярными становятся лубочные картины, на которых изображался казак с кобзарским инструментом. Изучая рисунки, можно сделать определенные выводы о конструктивных особенностях кобзы в соответствующий исторический период. Давняя кобза имела длинную узкую ручку, небольшое количество струн, три или четыре, корпус овальный продолговатый, на грифе – лады. Со временем инструмент изменялся: добавлялись струны, гриф расширялся и укорачивался, округлялся корпус. Начиная со второй половины XVIII века, на лубочных картинах изображают кроме струн на грифе еще и струны на корпусе – так называемые приструнки. С увеличением количества струн исчезают лады на грифе, то есть изменяются строение инструмента, его строй и приемы игры. В дальнейшем в литературных источниках вспоминается кобза с восемью струнами, а бандура – с девятью, двадцатью и больше струнами, эти инструменты с приструнками часто значатся как бандуры. С одной стороны, приструнки открыли новый этап

в развитии украинских струнно-щипковых инструментов, а с другой, – история давней кобзы заканчивается и ее место занимает новый инструмент. На этом инструменте кобзарь играет, не только прижимая струны на грифе, как это делается на традиционных, подобных лютне, инструментах, но и извлекает звук щипком на открытых приструнках, подобно игре на гуслях. Н. Лысенко застал использование такого инструмента на практике, он слушал выступления легендарного кобзаря О. Вересая и детально описал эту кобзу, которая имела шесть струн на грифе и шесть приструнков. Он исследовал не только характерный репертуар кобзаря, но и конструкцию, строй и приемы игры на кобзе. Появление приструнков А. Фаминцын и Г. Хоткевич датировали второй половиной XVIII века. А. Фаминцын, который считал, что украинцы позаимствовали кобзу, признавал: «В Западной Европе мы приструнков вовсе не замечаем на лютне или бандуроподобных инструментах, что убеждает нас в справедливости приписывать их изобретение малороссам» [11, с. 165].

Кроме кобзы и бандуры в среде казачества были распространены и другие певческие инструменты – торбан или барская бандура; старосветские песнопения незрячих кобзарей распевались в сопровождении гуслей, гудков и колесных лир.

В боях с захватчиками сечевое казачество, как справедливо отмечает М. Мишалов, поддерживало боевой дух и мужество защитников родного края [9, с. 5-6]. Содержанием жизни казачества было умереть «за правду», охраняя свой народ; казаки верили, что нет более страшной силы, чем праведный гнев. Он добавляет больше силы и делает человека нечувствительным к боли и ранам. Но состояние праведного гнева может быть лишь у человека честного, потому сечевики и придерживались праведной жизни. «Каким мечом машет, таким путем и погибнет», – в этой украинской пословице аккумулировано понимание пути воина – пути меча. Этот путь предусматривал, в первую очередь, жертвенность, самоконтроль над своими страстями, целенаправленность и высокую моральную чистоту, суровый анализ своих поступков и действий; моральный кодекс чести украинских казаков сконцентрирован в знаменитой «Рыцарской Регуле». Кроме школы военного искусства, Сечь сохраняла самые давние, архаичные военные традиции украинского народа, такие как традиции побратимства, характерности, и военные соревнования, которые уходят своими корнями к «седой» древности [3, с. 32].

Среди запорожцев, по свидетельству Д. Яворницкого, сечевое казачество реализовывало себя не только пением, но и исконной миссией хранителей давних традиций, заветов и обычаев. Мудрое слово кобзаря помогало запорожцам разрешать внутренние споры, а иногда имело определяющее значение в принятии казачьим обществом решений о будущих полях брани [14, с. 142-143].

На Украине существовали разнообразные музыкально-певческие общины, каждая из них выполняла свою обособленную функцию. Согласно своей деятельности они разделялись на зрячих и слепых; существует мысль, что первой была традиция слепых [10, с. 44]. Религиозные и музыкально-певческие общины, а также отдельные служители культов (волхвы, знахари, вешуны), музыканты-певцы считались посредниками между Богом и людьми. В то же время они были носителями тайных знаний, поэтому к такой деятельности привлекались представители общества, которые от природы были наделены особыми сверхъестественными способностями или имели физические или психические аномалии. Это, в частности, могли быть обостренная чувствительность, тонкая интуиция, способность к телепатии или кинезу, пророчеству и тому подобному. Среди них особое место занимали слепые. Для таких людей слепота считалась не изъяном, а, наоборот, божьим даром и выверенным испытанием [Там же, с. 63]. К таким людям было большее доверие, поскольку они были отделены от греховного, видимого, предметного, искушенного мира. Слепой певец, условно находясь в невидимом мире, был ближе к Богу. У него были более острые ощущения и более тонкий музыкальный слух. Недаром же зрячие певцы нередко поют, закрывая глаза, для обострения ощущения и углубления в содержание произведения. Кроме того, певцы и другие духовники проходили определенную выучку и должны были жить по особым, свойственным только им нормам и правилам. Отступление от этих правил сурово запрещалось и для некоторых категорий даже каралось смертью. Украинское кобзарство как уникальное общественное явление занимало среднее иерархическое положение в среде духовников, оно выполняло миссию посредничества, просветительства и суггестивного влияния на личность. Согласно давнему мировоззренческому пониманию, кобзарь был посредником между миром людей и Богом. Он – хлопотальник (ходок, ходатай, ходина) по разным делам. «Святославовым ходиною» (ходаком-хлопотальником) называет автор «Слова о полку Игореве» и вещего Баяна. «Рёк Баян и ходина Святославова, песнотворец старого времени...», – говорит певец памяти [Там же, с. 114]. Кобзарь Андрей Шут так обосновывал кобзарскую миссию: «Кобзарь-слепец, – существует для того чтобы напоминать людям о боге и добрых делах» [1, с. 49]. Конечно, такое призвание требует от человека чистой совести и высокой нравственности.

Это указывает на еще одну миссию кобзаря – просветительскую. Он был живым носителем истории народа, его традиций и обычаев. Подавляющее большинство исследователей отмечают высокую воспитанность и элитарность украинских кобзарей. Этого требовал и кобзарский обычай, по которому кобзарю-братчику брать милостыню как дар, не отпев, не годится [6, с. 84]. Поэтому кобзари, исповедуя определенный аскетизм, жили по нормам и правилам, которые отличались от обычных, однако они постоянно находились среди людей. Одни из них были слепыми с рождения, другие – в результате каких-то трагических обстоятельств; те, что шли в кобзари по убеждению, сознательно лишали себя зрения, совершая духовный подвиг, этим как бы приближаясь к Богу. Известно также, что существовала практика умышленного ослепления кобзарями своих детей, это порождало кобзарские династии, и сам факт ослепления побуждался родовой честью [10, с. 75].

Своим пением, рассказами и игрой на кобзе, думами и песнями, которые, по мнению Остапа Вересая, перешли к людям от самого Бога, традиционный кобзарь, осознавая свое высокое призвание, никогда не стремился вызвать сочувствия к своей судьбе, тем более когда он добровольно лишал себя зрения. Напротив – стремился донести людям свет истины, пробудить в каждом чувство любви, милосердия и взаимоуважения, а когда необходимо – и гнева к врагам. Учил их мудрости заветов предков, своим проникновенным пением влиял на первопричины бытия, просил лучшую судьбу для всех. В то же время, украинские кобзари были основными информаторами. Переходя от села к селу, они поднимали дух народа, не позволяя ему в тяжелые времена впасть в отчаяние и стать рабом судьбы. Таким образом, традиционное украинское кобзарство было обществом (братством) духовно одержимых певцов-просветителей, которые своей слепотой были приближены к Богу. Как известно, первым зрячим кобзарем был Гнат Хоткевич, это было нарушением кобзарского обычая. Недаром же о нем говорили: «Хорошо играет, если бы еще и глаза вынуть, то был бы знатный кобзарь» [13, с. 45].

Кобзари, жившие на Сече, как и казаки, не имели права на бракосочетание. В то же время, кобзарисечевики могли быть зрячими. Однако это было не нарушением традиции, а переходом певцов к другому статусу. Как привило, эти кобзари владели особенным даром характерництва. Они жили уединенно и не имели права странствовать среди мирского люда, подобно кобзарям. В поэтической интерпретации народа они известны больше как казаки-характерники или казаки-мамаи [3, с. 55].

Кобзарствуя от городка к городку и распевая в думах о лихолетье и тяжелой каторге казаков, которые попали в басурманский плен, кобзари собирали деньги на выкуп невольников. Такой способ освобождения невольников «на ясные зори на тихие воды» [7, с. 53] был одним из самых эффективных. Характерную фигуру кобзаря, который считал своей высокой миссией освобождение невольников из плена, мастерски изобразил Панько Кулиш в книге «Черная рада»: «Звался божьим человеком слепой старец-кобзарь. Темный он был на глаза, а ходил без поводья, в заплатанной свитке и без сапог, а денег носил полные карманы. Что же он делал с теми деньгами? Выкупал невольников из неволи. За это все казаки уважали его как отца, казалось бы, попроси он у кого ни будь последнюю свитку с плеч, за выкуп невольника, то и ту бы ему отдал всякий» [Там же, с. 54-55].

Среди исследователей кобзарства определенное время продолжались споры о «загадочных» моментах самоорганизации незрячих певцов. Четкое организационное построение кобзарских цехов, железная дисциплина и корпоративность слепцов вызывали понятное удивление, ведь открывали наличие в кобзарских объединениях милитаристских элементов. Опираясь на исследования П. Кулиша, Н. Синцова, Д. Яворницкого и других, можно утверждать, что за столетие бесконечных войн, ареной которых была Украина, певческие объединения, не теряя своего давнего корня, часто пополнялись за счет ослепленных в боях или попавших в плен казаков [3, с. 189-191; 15, с. 111-112]. Небезызвестными в свое время были имена ослепленных татарами казаков-бандуристов Гринька Кобзаря из Иржавца, Андриана Бурсака из Константинограда и ослепленного поляками казака Игната Розянского из Харьковщины. Некоторые из сечевых кобзарей нашли свое бессмертие в украинских думах и песнях. Так, П. Житецкий в книге «Про українські народні думи» приводит думы в записи П. Мартыновича: «Степан Погребняк», «Иван Храмченко (Копыльченко)» [2, с. 47-48] – эти казаки, потеряв зрение, стали путешествующими кобзарями.

Пополнение кобзарства бывшими воинами, вышколенными в боях, безусловно, накладывало отпечаток на дух и самоорганизацию «незрячей братии», корректировало и обогащало функции путешествующих певцов. В первую очередь, это касалось совершенствования тайной системы самообороны и физической закалки слепых кобзарей. К началу XX века еще кое-где сохранился рукопашный бой под названием «костурец», то есть «ощупью» при помощи палки [12, с. 3-5]. Побаиваясь изменения установившегося в общественном мнении почтенного имиджа, кобзарское братство не могло позволить раскрытия тайного существования в своей среде любого вида рукопашной борьбы. Для общественности слепцы должны были оставаться внешне слабыми и немощными, то есть «божьими людьми».

Трудно представить себе хотя бы одно историческое произведение, которое, описывая казачество, обошло бы образ слепого кобзаря и исполняемые им песни или думы. Скрепленное кровавыми боями побратимство кобзарей и казаков засвидетельствовано в исторических документах. Из хроник XVIII века и свидетельств певцов нам становятся известны имена зрячих казацких бандуристов Данилы Бандурко и Гринька Кобзаря, которые вместе с кобзарями стали активными участниками гайдамацких походов [15, с. 222; 16, с. 379-388]. В «Коденской книге», где собраны протоколы допросов гайдамак, захваченных в плен поляками во время подавления Колиивщины, вспоминается о казни трех казацких бандуристов – Прокопия Скрыги, Василия Варченко и Михаила Сокового зятя [4, с. 161-165]. Уместно напомнить, что до конца XVIII века включительно среди польских карательных отрядов самым распространенным средством истязания кобзарей и бандуристов за подстрекательства к восстаниям было наказание «делание куклы», то есть обрубание пальцев, обрезание ушей, языка и ослепление, если бандурист был зрячим.

Во времена расцвета казачества влияние слепцов становится настолько существенным, что кобзу и бандуру называют любимыми инструментами военной, светской и церковной элиты украинского народа. Многие из выдающихся казацких вожakov любили старинные песни и овладевали игрой на кобзарских инструментах [8, с. 102]. История оставила нам упоминание об увлечении бандурой Богдана Хмельницкого, Ивана Мазепы, Семена Паляя, Максима Зализняка.

Как правило, бандуристы были среди челяди каждого значительного украинского шляхтича или военного начальника. П. Кулиш приводит свидетельство А. Скальковского: «...почти каждый старшина имел у себя

молодого парня – торбаниста» [6, с. 112]. «На Сече в XVII веке существовала профессиональная музыкальная школа, которая готовила бандуристов из числа казаков и джур» [15, с. 256]. Конечно, ведущими преподавателями и хранителями традиций этой школы оставались незрячие кобзари. Ради исторической справедливости стоит отметить, что хотя сечевое кобзарство практически дало толчок общему распространению певческих инструментов среди широких слоев украинского населения, отождествлять незрячих кобзарей и светских бандуристов некорректно. Ведь кобзарство и бандурничество, исторически развиваясь в одно и то же время, все же представляли два параллельных направления в украинской культуре, каждое из которых имело свою традицию и философско-мировоззренческие основы.

Мода на бандуристов переходит от казацкой старшины к московским и польским магнатам. Иметь дворцового бандуриста стало настолько престижно, что для удовлетворения амбиций магнатов из Украины вывозят самых талантливых певцов. В частности, в Польше подобная традиция существовала еще с начала XV века. После разрушения Запорожской Сечи кобзарство не только продолжало существовать, но и, организационно перестроившись, не менее действенно выполняло свою миссию.

В польской литературе и искусстве в начале XX века в произведениях авторов так называемой «украинской школы» – Тадеуша Падалицы, Владислава Зададского, Адама Плуга и других, – картинах Яна Матейки, литографиях Я. Пжижиховского украинские певцы предстают в величии библейских пророков, освященных милостью Бога [1, с. 1-3]. Мистическая сила незрячих певцов творит чудеса, за странную способность моральной очистки грешных и лечения больных их боготворил простой люд, а «сильные мира сего» без сетований подчинялись их пророчествам. С именем украинского лирника Вернигора в польских народных переводах, отображенных в творчестве М. Чайковского, картинах Я. Матейки и Е. Андриолли, связано много сверхъестественных представлений. Незрячий лирник Вернигора, который жил в середине XVIII века в селе Македоны Каневского старостата, еще при жизни заслужил славу пророка. К нему из всех околиц Украины и Польши стекались люди за предсказанием судьбы, которую он распевал в сопровождении своей «волшебной лиры». После смерти могила знаменитого лирника более века была местом всенародного паломничества [Там же, с. 26].

Таким образом, взаимодействие казачества и кобзарства было естественным явлением и до сих пор воспринимается как уникальный феномен музыкальной украинской культуры.

#### *Список литературы*

1. Ємець В. Кобза та кобзарі. Берлін, 1923. 149 с.
2. Жигецький П. Про українські народні думи. Київ, 1919. 203 с.
3. Каляндрук Т. Загадки козацьких характерників. Львів: Піраміда, 2007. 288 с.
4. Коденская книга и три бандуриста // Киевская старина. 1882. Апрель. С. 161-165.
5. Колесса Ф. Мелодії українських дум. Київ: Наук. думка, 1969. 269 с.
6. Кулиш П. Записки о Южной Руси. СПб., 1856. 291 с.
7. Кулиш П. Чорна рада. Київ, 1969. 354 с.
8. Маслов С. Лирники Полтавской и Черниговской губернии. Харьков, 1902. 262 с.
9. Мішалов М. Українські кобзарські думи. До питання виникнення, розвитку та сучасного стану українського кобзарського епосу. Сідней, 1990. 356 с.
10. Ткач М. Пахощі Боянових слів. К.: Слива, 1996. 174 с.
11. Фаминцын А. Домра и сродные ей инструменты русского народа. СПб., 1898. 165 с.
12. Черемський К. Бойове мистецтво українських незрячих сліпців // Запорізький Спас. 2001. № 2. С. 3-5.
13. Черемський К. Шлях звичаю. Харків: Глас, 2002. 205 с.
14. Яворницький Д. Група кобзарів та лірників на українському ярмаркові // 3 української старовини. Київ, 1991. С. 142-143.
15. Яворницький Д. Історія запорозьких козаків: в 3-х т. Київ: Наукова думка, 1990. Т. 1. 582 с.
16. Ястребов В. Гайдамацкий бандурист // Киевская старина. 1886. Октябрь. С. 379-388.

#### **INTERACTION OF THE COSSACKS AND KOBZA-PLAYERS IN THE CONTEXT OF UKRAINIAN CULTURE**

**Petrik Valentina Vasil'evna**, Ph. D. in Art Criticism, Associate Professor  
Lugansk State Academy of Culture and Arts named after M. L. Matusovsky, Ukraine  
*freeangelhom@mail.ru*

The article examines the aspects of the interaction of such specific phenomena of Ukrainian culture as the Cossacks and kobza-players, who performed multi-purpose missions – the keepers of ancient traditions, legacies and customs, enlightenment and the raise of patriotic and moral spirit of the nation. The paper discovers the influence of folk musicians-professionals on the development of the cultural and creative processes of the time.

*Key words and phrases:* Cossack; kobza-player; kobza; bandura; torban; ballad; discipleship in Zaporozhian Sich.